Р63.1
С95
№769
Костромское научное общество по изучению местнаго края. 1912 г.

МІРОВОЗЗРѢНІЯ

НАШИХЪ ПРЕДКОВЪ РУССКИХЪ СЛАВЯНЪ-ЯЗЫЧНИКОВЪ ДО КРЕЩЕНІЯ РУСИ (ВЪ 988 Г.).

Вып. I. Миѳологія.

Протоіерея Э. Сырцова.

КОСТРОМА.
Въ Губернской Типографіи.
1897.

339
№ 769
Костромское научное общество по изучению мѣстнаго края. 1912 г.
К63.4
902-6
с-95
12806

МІРОВОЗЗРѢНІЯ

нашихъ предковъ русскихъ славянъ язычниковъ до крещенія Руси (въ 988 г.).

Недавно (1888 г.) православная Россія торжественно отпраздновала 900-лѣтіе своей христіанской жизни. По поводу этого торжества въ русскихъ журналахъ и газетахъ появилось не мало серіозныхъ статей и бѣглыхъ замѣтокъ, касающихся великаго событія—крещенія Руси. Но намъ не приходилось встрѣчать ни въ одномъ изъ журналовъ такихъ статей, которыя бы болѣе или менѣе достаточно касались религіознаго быта русскихъ славянъ до крещенія ихъ при святомъ князѣ Владимирѣ. Между тѣмъ торжество по поводу крещенія невольно возбуждаетъ въ насъ интересъ и къ этой сторонѣ жизни нашихъ предковъ. Было бы, думается, весьма желательно поближе познакомить съ языческимъ складомъ жизни нашихъ предковъ даже простой народъ потому, что этотъ складъ, какъ извѣстно, и послѣ крещенія Руси цѣлые вѣка отражался, да и теперь не мало еще отражается на складѣ простонародной жизни. Почему это такъ? Да просто потому, что народъ не знаетъ происхожденія тѣхъ языческихъ обычаевъ и мировоззрѣній, каковыхъ придерживается самъ. Укажите простому, но благочестивому народу на источникъ его заблужденій, и онъ, навѣрно, не замедлитъ оставить эти заблужденія.

Правда, ученые уже десятки лѣтъ занимаются изслѣдованіемъ жизни и вѣрованій русскихъ славянъ язычниковъ и уже обогатили отеческую литературу не малымъ числомъ отдѣльныхъ произведеній и журнальныхъ статей *). Но всѣ эти произведе-

*) Каковы: *1) Начертаніе славянской миѳологіи* М. Касторскаго 1841 г.; *2) Объ обожаніи солнца у древнихъ славянъ* г. Средневскаго; *3) Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу* А. Аѳанасьева; *4) Боже-*

Научная библиотека Костромского краеведческого музея

нія далеко не распространены въ публикѣ и по большей части настолько серіозны, что простой смертный не скоро можетъ разобраться въ нихъ.

Въ предлагаемомъ краткомъ очеркѣ „Мировоззрѣнія нашихъ предковъ“ мы желали бы представить доступный всякому сводъ приведенныхъ выше изслѣдованій по этой части. Нашъ очеркъ будетъ касаться по преимуществу миѳологической и лишь отчасти обрядовой стороны славянскаго язычества.

I.

Миѳологія русскихъ славянъ.

Общія понятія.

Почти всѣ наши предки русскіе *славяне 900 лѣтъ назадъ исповѣдывали религію языческую,* т. е. поклонялись множеству измышленныхъ боговъ, не зная одного истиннаго Бога. Подтвержденіемъ сего служатъ дошедшія до насъ многочисленныя памятники древности и преданія, каковы: лѣтописи, урочища, курганы, народныя легенды, пѣсни, заговоры, обряды и обычаи. Припомнимъ, напр., запись Лаврентьевской лѣтописи о первыхъ годахъ княженія св. Владиміра. „И нача“, говорится тамъ, „княжити Володимеръ въ Киевѣ единъ, и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его серебрену, а усъ златъ, и Хорса, Дажбога и Стрибога, и Симоргла и Мокошь“ (980 г.).

Наука подмѣтила въ происхожденіи и развитіи языческой религіи у разныхъ древнихъ народовъ слѣдующій *общій законъ*: Въ незапамятныя намъ, такъ называемыя, „до-историческія“ времена часть рода человѣческаго утратила понятіе объ истинномъ Богѣ и лишилась откровенія Божественнаго, какъ руководительнаго начала жизни. Но такъ какъ по врожденной психической потребности человѣкъ не можетъ оставаться безъ Бога, то эта часть рода человѣческаго поспѣшила перенести идею о Богѣ на окружающую его чудную и благодѣтельную, а по временамъ грозную и губительную природу. Явился такимъ образомъ физическій *монотеизмъ* (единобожіе), богъ—природа, взятая вся вмѣстѣ и представлявшаяся неразвитому человѣку живою, одушевленною.

По разъ сдѣлавъ уклоненіе отъ истиннаго пути, человѣкъ уже не могъ попасть на этотъ путь и пошелъ дальше своимъ путемъ. По мѣрѣ своего умственнаго развитія, подмѣчая въ природѣ различныя предметы и явленія, производящія на него болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе и страхъ, человѣкъ скоро превратилъ монотеизмъ въ *политеизмъ* (многобожіе), т. е. на мѣсто одного бога-природы вообще поставилъ столько боговъ, сколько могъ насчитать въ природѣ различныхъ предметовъ и явленій, непонятныхъ для него по своимъ благотворнымъ или губительнымъ дѣйствіямъ.

Это было время, когда монотеизмъ и политеизмъ были чисто физическими; иначе сказать: люди на первыхъ порахъ дѣтски принимали за живыхъ боговъ самую природу съ ея различными чудными и грозными явленіями, ни сколько не отвлекаясь мыслію отъ нея самой. Такое непосредственное поклоненіе природѣ, замѣчаемое даже въ нынѣшнія времена у нашихъ сибирскихъ инородцевъ, называется *фетишизмомъ*.

Дальнѣйшее расширеніе умственнаго кругозора подсказало людямъ, лишеннымъ Божественнаго откровенія, что въ природѣ и различныхъ ея явленіяхъ есть какая-то внутренняя сила, которая какъ будто побуждаетъ природу къ движенію, руководитъ физическими явленіями, даетъ всему направленіе. Вслѣдствіе этого, обожаніе съ видимой природы перешло на внутреннюю ея силу, явились *боги-духи*, на первыхъ порахъ тѣсно связанные съ природой, одушевлявшіе ее, однако плохо или совсѣмъ не понятные для самихъ поклонниковъ; затѣмъ эти духи мало-помалу отдѣляются отъ природы и становятся выше ея; съ этихъ поръ неодушевленные и одушевленные предметы природы, преж-

---

ства древнихъ славянъ А. С. Фамицына; 5) *Русскія древности* 1872 г. г. Костомарова; 6) *Бытъ русскаго народа* А. Терещенко; 7) *Сказанія русскаго народа* И. Сахарова; 8) *Русскіе простонародные праздники* И. Снегирева; 9) *Старо-русскіе солнечные боги и богини* М. Е. Соколова 1887 г.; 10) *Русское язычество* г. Никифоровскаго (въ Странникѣ за 1875 г.) и т. д.

де обожаемые становятся простыми носителями духовъ, храминами для нихъ, идолами. Отсюда поклоненіе животнымъ (*зооморфизмъ* у египтянъ) и героямъ (*антропоморфизмъ* у грековъ и римлянъ).

Въ концѣ концовъ языческая религія у образованныхъ народовъ: персовъ, египтянъ, грековъ и римлянъ получила *іерархію* боговъ, въ основу которой былъ положенъ дуализмъ, т. е. явились боги добрые и злые, верховные и малые, мужескаго и женскаго пола; былъ придуманъ языческій *богослужебный культъ* съ храмами, кумирами, жрецами, весталками, празднествами и жертвоприношеніями, нерѣдко человѣческими.

Таковъ общій законъ развитія языческихъ религій.

Славяне не составляли въ этомъ случаѣ исключенія; и они слѣдовали этимъ же путемъ въ дѣлѣ развитія у себя языческой религіи. Но такъ какъ они были по происхожденію народомъ, выдѣлившимся изъ всего человѣчества въ болѣе или менѣе позднѣйшее время, притомъ народомъ по преимуществу кочующимъ, стоявшимъ еще въ X столѣтіи по Р. Хр. почти на низшей степени умственнаго развитія, то и не успѣли довести своей религіи до полнаго развитія и упорядоченія ея прежде, нежели ихъ застигло христіанство; къ X столѣтію они едва только переступили фетишизмъ, превративъ видимыхъ боговъ—природу въ духовъ невидимыхъ, по большей части даже не облеченныхъ ни въ какую форму. По крайнѣй мѣрѣ во времена княженія св. Владиміра у русскихъ славянъ не было ни строгаго дуализма и іерархіи боговъ, ни языческихъ храмовъ, ни достаточнаго числа идоловъ, ни жрецовъ, ни правильно отправляемаго служенія идоламъ. Во всемъ замѣтны были только начатки.

Сонмъ свѣтлыхъ небесныхъ боговъ.

Первоначально, повидимому, и славяне придерживались монотеизма, покланялись природѣ вообще, центромъ которой служилъ сводъ небесный. Самымъ древнимъ и на первыхъ порахъ единственнымъ богомъ славянъ считается **Сварогъ** (отъ Санскр. Svar—небо). „И по семъ", говорится въ Ипатьевской лѣтописи, „царствова сынъ его (Сварога), именемъ Солнце, егоже наричутъ Дажьбогъ... Солнце царь сынъ Свароговъ, еже есть Дажьбогъ, бѣ бо мужъ силенъ" *). Прокопій Кесарійскій, писатель IV вѣка, говоритъ о религіи древнихъ славянъ: „они (славяне и анты) признаютъ *единаго бога*, творца молніи и грома, единымъ господомъ вселенной и приносятъ ему въ жертву быковъ и иныхъ священныхъ животныхъ" **). Сварогъ представляется въ древнихъ сказаніяхъ богомъ боговъ, родоначальникомъ свѣтлыхъ боговъ, прабогомъ; всѣ прочія свѣтлыя небесныя божества—его дѣти, прибоги „сварожичи", рожденныя отъ него и покорныя ему. Гельмольдъ характеризуетъ Сварога такъ: „Между различными божествами, во власти которыхъ состоятъ поля и лѣса, печали и наслажденія, славяне не отрицаютъ и единаго Бога на небесахъ, повелѣвающаго прочими. Онъ самый могущественный, заботится только о небесномъ; прочіе боги, исполняющіе возложенныя на нихъ обязанности, происходятъ отъ его крови, и чѣмъ кто знатнѣе, тѣмъ ближе къ этому богу боговъ" ***).

Во времена святого Владиміра Сварогъ былъ уже забытъ славянами и не чтился никакимъ служеніемъ и жертвоприношеніями. Славяне не успѣли даже облечь его въ какую-либо форму прежде, нежели онъ скрылся, или, лучше сказать, затерялся между другими богами. Въ числѣ боговъ, которымъ Владиміръ поставилъ въ Кіевѣ кумиры, Сварогъ уже не нашелъ себѣ мѣста.

По древнему сказанію Сварогъ, теперь наслаждается покоемъ предоставивъ управленіе вселенной своимъ дѣтямъ—сварожичамъ ****). Но онъ не прежде успокоился, какъ сотворивъ міръ, человѣка и свѣтлыхъ духовъ.

О началѣ міра видимаго и невидимаго въ славянскихъ преданіяхъ до насъ сохранилось нѣсколько сказаній, подвергав-

*) Полн. собр. Р. Л. т. II стр. 5.
**) Старо русскіе солнечные боги и богини. Соколова стр. 4.
***) Поэт. воззрѣнія славянъ. Аѳанасьева ч. 1, 131.
****) Тамъ же, стр. 65.

шихся исправленіямъ и передѣлкамъ во времена христіанскія. По однимъ сказаніямъ творцомъ міра былъ одинъ только свѣтлый богъ Бѣлбогъ (Сварогъ). Эти сказанія очевидно относятся къ болѣе глубокой древности, ко временамъ еще языческаго монотеизма, и меньше подверглись исправленію. По этимъ сказаніямъ міръ произошелъ изъ тѣла творца: солнце сотворено отъ лица, заря отъ устъ, мѣсяцъ отъ груди, дождь отъ слезъ, небо отъ черепа, камни отъ костей, земля отъ тѣла, вода отъ крови, лѣсъ и травы отъ волосъ, облака отъ мозга, вѣтеръ—дыханіе, громъ—слово, молнія и звѣзды—взоры. (Голубиная книга) *).

Но въ другихъ сказаніяхъ предполагается уже дуализмъ, и въ дѣлѣ творенія участвуютъ и являются уже два начала—доброе и злое, или иначе два бога: свѣтлый—Бѣлбогъ и темный—Чернобогъ. Постепенное развитіе языческихъ религій, по приведенному общему закону, даетъ достаточное основаніе относить эти сказанія къ болѣе позднѣйшимъ временамъ, когда славяне переступили отъ монотеизма къ дуализму. По этимъ сказаніямъ дѣло творенія вселенной совершалось такъ: Бѣлбогъ, вооружившись молотомъ и разъѣзжая въ колесницѣ по небеснымъ пространствамъ, творилъ только одно доброе, полезное. Прежде всего ударами молотомъ въ небесные камни было призвано къ жизни множество *свѣтлыхъ духовъ*, образовавшее особое могучее небесное воинство; затѣмъ, по повелѣнію Бѣлбога, являются: небо, украшенное солнцемъ, луною и звѣздами, и земля, украшенная лѣсами и зеленью,—ровная, безъ малѣйшихъ признаковъ горъ и холмовъ,—и населенная животными и людьми. Но Чернобогъ, желая быть во всемъ противникомъ доброму богу, въ то же время сотворилъ множество *злыхъ духовъ*, низверженныхъ архангеломъ Гавріиломъ на землю, и испортилъ ровную площадь земли, усѣявъ ее горами и оврагами **). Нельзя уже не замѣчать въ этихъ сказаніяхъ библейской окраски, сдѣланной во времена христіанскія, но нельзя не предполагать въ нихъ и собственно языческихъ сказаній.

*) Тамъ-же, стр. 63.
**) Аѳанасьева, стр. 63 и слѣд.

Итакъ, по этимъ сказаніямъ, славянская миѳологія предъ нами является уже въ болѣе развитой степени; мы знаемъ уже не только о двухъ верховныхъ началахъ добромъ и зломъ, но и о множествѣ второстепенныхъ духовныхъ существъ добрыхъ и злыхъ, сотворенныхъ Бѣлбогомъ и Чернобогомъ. Остановимся пока на добрыхъ существахъ, извѣстныхъ въ преданіи подъ именемъ „Сварожичей“.

Но предупреждаемъ читателя, что *не легко распредѣлить* эти существа *по чинамъ, власти, силѣ и могуществу*. И въ этомъ случаѣ, какъ и во всемъ прочемъ, замѣчается немалая путаница, указывающая на переходное религіозное состояніе славянъ. Вслѣдствіе недостаточнаго развитія дуализма, напр., нерѣдко одинъ и тотъ же богъ въ сказаніяхъ и преданіяхъ является и добрымъ и злымъ. Между богами есть боги мужескаго и женскаго пола, покровительствующіе каждый своему полу; но не рѣдко одинъ и тотъ же богъ въ одномъ случаѣ является въ мужескомъ полѣ, а въ другомъ—женскомъ. Каждый богъ имѣлъ свою опредѣленную область, свое, такъ сказать, царство, пребывалъ въ извѣстномъ мѣстѣ и зналъ только свою спеціальность; но въ то же время не прочь былъ вмѣшиваться и въ чужія дѣла. Предѣлы области и характеръ отношеній къ людямъ указывали каждому богу мѣсто въ сонмѣ прочихъ боговъ—выше или ниже; но строгой іерархической подчиненности совсѣмъ не замѣчается: каждый, даже самый незначительный богъ въ своей области былъ ни отъ кого независимъ и промышлялъ по своему усмотрѣнію, не отдавая никому отчета.

Отсутствіе такого рода неопредѣленности и противорѣчій замѣчается только въ дѣленіи боговъ на небесныхъ (стихійныхъ) и земныхъ, которому и мы послѣдуемъ.

Дажьбогъ. Между небесными сварожичами первое мѣсто занимаетъ Дажьбогъ—Солнце. Взирая на высоту небесную, гдѣ предполагался Сварогъ, славянинъ, естественно, не могъ не сосредоточить своего вниманія на свѣтилахъ небесныхъ и прежде всего на солнцѣ. Славянинъ дикарь, дивясь чудному блеску его, подмѣтилъ благодѣтельное вліяніе его на природу и на человѣ-

ка. И вотъ ему представилось, что это—особый живой добрый богъ, первый сынъ и наслѣдникъ Сварога. И названъ былъ этотъ богъ „Дажьбогъ“ т. е. богъ-кормилецъ, податель всякихъ благъ.

На происхожденіе Дажьбога отъ Сварога точно указывается въ Ипатьевской лѣтописи: „И по семъ царствова сынъ его, именемъ Солнце, егоже наричутъ Дажьбогъ... Солнце царь, сынъ Свароговъ, еже есть Дажьбогъ“. Рожденіе или происхожденіе Дажьбога отъ Сварога представлялось славянину такъ: Солнце постоянно скрывается то за горизонтомъ на цѣлую ночь, то за тучами на неопредѣленное время. Это исчезновеніе славянину казалось неестественнымъ; онъ предполагалъ, что солнце постоянно поглощается демонами—чадами Чернобога; но Сварогъ, разбивая громовыми стрѣлами демоновъ (тучи) и разсѣевая ночной мракъ, всегда возрождаетъ его.

Дажьбогъ былъ однимъ изъ добрѣйшихъ боговъ, и славяне на первыхъ порахъ особенно чтили его, ставили себя подъ его особое покровительство и назывались внучатами Дажьбожьими. „Тогда, при Олегѣ Гориславичѣ“, говорится въ „Словѣ о полку Игоревѣ“, „сѣяшется и ростяшетъ усобицами; погибаше жизнь *Дажьбожа внука*, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ сократишася“ *).

Вслѣдствіе особеннаго уваженія, Дажьбогъ фантазіей славянъ былъ окруженъ приличной свитой изъ особыхъ существъ, въ видѣ свѣтилъ небесныхъ. Представляя его почему-то въ женскомъ полѣ, ему дали мужа, въ видѣ луны, и множество дѣтей, въ видѣ звѣздъ небесныхъ **).

Во времена святого Владимира Дажьбогъ, повидимому, пользовался еще почтеніемъ, но уже не предпочтительнымъ: Владиміръ поставилъ ему на холму обыкновенный кумиръ, тогда какъ Перуну—украшенный серебромъ и золотомъ.

До насъ не сохранилось свѣдѣній о томъ, въ какомъ видѣ представлялъ Дажьбога кумиръ, поставленный Владиміромъ. Но, по нѣкоторымъ памятникамъ, славяне представляли Дажьбога

*) Солнечные боги и богини. Соколова, стр. 7.
**) Русское языч. Странникъ 1875 г.

иногда въ образѣ птицы и преимущественно въ образѣ миѳическаго пѣтуха. „Стоитъ дубъ-старо-дубъ“, говорится въ одной малороссійской загадкѣ, „на томъ дубѣ (сидитъ) птица вертиница (вертящаяся); никто ей не достане—ни царь, ни царица“, или: „Сидитъ пивень на верби, спустивъ косы (лучи) до земли“. По стариннымъ апокрифамъ этотъ пивень представляется такъ: „Солнце течетъ на воздухѣ въ день, а въ нощи по окіану низко летитъ не омочась, но токмо трижды омывается въ окіанѣ, тогда же окіанъ всколеблется и начнутъ волны кура бити по перью; онъ же очутивъ волны и речетъ: „кукореку“! протолкуется: „Свѣтодавче Господи, дай же свѣтъ мірови“! Егда же то воспоетъ, и тогда вси кури воспоютъ въ единъ годъ (часъ) по всей вселеннѣй“ *).

Въ дальнѣйшемъ развитіи солнечнаго культа у славянъ появились особыя солнечныя божества, соотвѣтствующія различному положенію солнца въ году, таковы: „Хорсъ“ и „Ярило“.

Хорсъ. Поклоненіе Хорсу достаточно подтверждается тѣмъ, что Владиміръ и ему съ прочими божествами не отказалъ въ кумирѣ.

Принадлежность Хорса къ сонму боговъ солнечнаго культа выводятъ изъ того, что слово: „Хърсъ“, или „Хорсъ“, происходитъ отъ осетинско-персидскаго слова: „Хурръ“, „Хуръ“—солнце. Съ другой стороны въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ о Хорсѣ говорится слѣдующее: „Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь волкомъ рыскаше; изъ Кыева дорыскаше до куръ Тмуторокани; великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше“. Смыслъ тотъ, что Всеславъ прибылъ въ Тмутаракань прежде, нежели Хорсъ-Солнце успѣло взойти **).

Но въ какомъ смыслѣ Хорсъ олицетворялъ солнце,—на этотъ вопросъ ученые затрудняются дать рѣшительный отвѣтъ за недостаткомъ въ памятникахъ точныхъ указаній. Болѣе правдоподобнымъ представляется то предположеніе, что Хорсъ олицетворялъ осеннее, а пожалуй и земнее солнце. Это предположеніе выводится изъ сопоставленія древне-русскаго Хорса съ

*) Странникъ 1875 г. Русское языч.
**) Солнечн. боги. Соколова, стр. 9.

литовскимъ Гурко и саксонославянскимъ Кродо—богами плодородія, урожая хлѣбовъ и винныхъ лозъ,—которымъ шумное празднество совершалось подъ осень, во время уборки хлѣба и плодовъ. Такое же предположеніе можно выводить и изъ сопоставленія Хорса съ славянскимъ божкомъ „Корочюномъ", „Крачуномъ", если только правда, что этотъ божокъ въ народномъ міровоззрѣніи замѣнилъ затерявшагося Хорса. Карачунъ былъ зимнимъ божествомъ,—это видно изъ того, что ему для празднества посвящались дни, совпадающіе съ рождественскимъ постомъ и святками. Въ Новгородской первой лѣтописи весь рождественскій постъ извѣстенъ подъ именемъ Карачюновскаго, Корочюна: „1143 г. Стояше вся осенина дождева, отъ Госпожина дня до Корочюна, тепло дѣжгъ". У карпаторуссовъ рождественскій сочельникъ называется Керечуномъ—Кречуномъ (Кречунъ вечеръ) *).

Хорсу приписывается меньше доброты и благости, чѣмъ суровости и разврата. При нѣкоторомъ покровительствѣ плодородію, урожаю хлѣбовъ и винныхъ лозъ, Хорсъ представляется богомъ веселья, пиршествъ и разврата, подобнымъ Бахусу или Вакху. Иногда представляютъ его богомъ игръ и народныхъ забавъ; отъ корня Хоръ (Хорса) произошло слово „хороводъ"—символъ обращенія солнца вокругъ земли. Иногда же представляютъ Хорса богомъ войны и всякихъ битвъ и убійствъ, сравнивая его съ греческимъ Гаресомъ и Ареемъ, съ индійскимъ Хари, египетскимъ Гаросомъ старшимъ и сабинскимъ Kurinos—Марсомъ; а наслѣдникъ Хорса Карачунъ, по мнѣнію гг. Снегирева и Хомякова, прямо означаетъ: убить, погубить, убійство **).

Вотъ все что можно сказать о Хорсѣ, совсѣмъ затерявшемся послѣ крещенія Руси

Ярило. Не такова судьба другого собрата Дажьбожья—Ярилы. Изъ того обстоятельства, что Ярилѣ отъ Владимира не было поставлено въ Кіевѣ особаго кумира и что онъ въ древнихъ русскихъ лѣтописяхъ совсѣмъ не упоминается, можно заключать, что Ярило или былъ не важнымъ богомъ, или народился въ народной фантазіи послѣ крещенія Руси. Во всякомъ случаѣ Ярило былъ любимымъ народнымъ божествомъ, пользующимся нѣкоторымъ чествованіемъ даже до сихъ поръ *).

*) Солнечн. боги. Соколова, стр. 92.
**) Тамъ же, стр. 85 и слѣд.

Ярило (Яръ—Ярунъ—Яровитъ—Руевитъ отъ санскр. aru, ravi—солнце, греч. argos—блистающій, бѣлый, jaro—весна, галицко-русск. Ярь—весна) олицетворялъ весеннее солнце. „Ярило, говоритъ М. А. Максимовичъ, въ собственномъ и первоначальномъ его значеніи есть богъ весны, Веснякъ".

Ярило былъ свѣтлымъ благодѣтельнымъ богомъ и покровительствовалъ преимущественно плодородію и размноженію рода человѣческаго. Въ жизнеописаніи св. Оттона жрецъ Ярилы—Яровита говоритъ отъ лица своего бога: „Я твой богъ; я тотъ, который одѣваетъ поля муравою и листьями лѣса; въ моей власти плоды нивъ и деревъ, приплодъ стадъ и все, что служитъ на пользу человѣка: все это даю чтущимъ меня и отнимаю отъ отвергающихъ меня".

О благотворномъ вліяніи Ярилы на ростъ и обиліе хлѣбовъ, травъ и др. растеній свидѣтельствуютъ также нынѣшнія названія хлѣбовъ весенняго посѣва, каковы: овесъ, ячмень, пшеница и др.,—всѣ они называются „яровыми" отъ Яръ, Ярило, Ярунъ и т. д. Въ пользу того же говорятъ бѣлорусскія народныя пѣсни въ родѣ слѣдующей: „А гдзѣ жъ іонъ (Ярило) нагою тамъ жито капою, а гдзѣ жъ іонъ низырне (взглянетъ), тамъ колосъ зацвице".

Вліяніе Ярилы на приплодъ скота подтверждается, кромѣ приведенныхъ словъ жреца, также сохранившимися въ народѣ названіями нѣкоторыхъ животныхъ, взятыми отъ корня яръ, каковы—ярка—молодая овца, овечка, іарецъ (по-сербски),—козелъ и т. п.

Но особенно Ярило любилъ покровительствовать размноженію рода человѣческаго чрезъ возбужденіе взаимной любви между молодыми людьми. Въ самый большой праздникъ, совершавшійся въ честь Ярилы въ ночь па 24-е іюня и извѣстный подъ

*) О Ярилѣ см. Солнечн. боги, Соколова, стр. 96 и слѣд.

именемъ Ивана Купалы, матери еще въ прошломъ столѣтіи охотно отпускали своихъ дочерей въ лѣсъ, чтобы „поневѣститься“.

Молодые парни и дѣвицы, собравшись въ лѣсу, всю ночь проводили въ веселіи: пѣли, хороводились, скакали чрезъ разведенный огонь, и въ то же время по большей части рѣшали свою судьбу относительно супружеской жизни.

Владычество Ярилы продолжалось только нѣсколько весеннихъ мѣсяцевъ до Ивана Купалы, когда онъ умиралъ и шумно погребался.

Ранней весной Ярило въ народной фантазіи представлялся молодымъ красивымъ парубкомъ, разъѣзжающимъ на бѣломъ конѣ и въ бѣлой мантіи; на головѣ вѣнокъ изъ полевыхъ цвѣтовъ, въ лѣвой рукѣ горсть ржаныхъ колосьевъ; ноги босыя.

Но подъ конецъ своего владычества, предъ смертію, въ концѣ іюня, когда солнце дѣлаетъ поворотъ на зиму и начинаетъ больше палить природу, чѣмъ благотворно вліять на ея развитіе, Ярило являлся уже безобразнымъ старикомъ. Въ Галичскомъ уѣздѣ (Костромской губерніи) близъ города Галича на такъ называемой „Поклонной“ горѣ на Троицкой недѣлѣ до сихъ поръ бываетъ трехдневное гулянье въ честь Ярилы; при чемъ Ярилу изображаетъ пьяный старикъ, надъ которымъ молодежь всячески шутитъ, насмѣхается: притворно кланяется ему, дразнитъ его съ хохотомъ, задѣваетъ и т. п.

Въ концѣ концовъ Ярило въ видѣ соломеннаго чучела сжигается *).

По нѣкоторымъ памятникамъ Ярило имѣлъ двойника женскаго пола, называвшагося *Яровицей*. Такъ, въ молитвѣ священно-мученику Кипріану „на прогнаніе сопротивныя непріязненныя сѣти и на имущихъ духъ нечистый“ говорится: „И вокругъ около всѣхъ насъ во весь свѣтъ сохрани насъ, Господи, отъ всякія скорби, отъ Огнянеи и отъ Гнетеи, и отъ Коркуши и отъ Трясавицы и отъ Трясуницы и отъ Черной Плясуницы и

*) Изъ разсказовъ очевидцевъ, знакомыхъ мнѣ.

отъ Блядовицы и отъ *Яровицы*“ *). Какъ и Ярило, Яровица представлялась существомъ, покровительствующимъ браку и разврату.

Коструба и Кострома. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, Ярило извѣстенъ и подъ другими многими именами. Такъ, въ Малороссіи онъ извѣстенъ подъ именемъ Кострубы-Кострубоньки, что значитъ нечоса, косматый, чучело. Костомаровъ утверждаетъ, что такое имя Ярилѣ дано въ насмѣшку, подъ внушеніемъ христіанскаго презрѣнія къ языческимъ празднествамъ и забавамъ.

Отъ малороссійскаго Кострубоньки произошла великорусская *Кострома* — богиня весны. Въ пѣсняхъ Кострома рисуется богиней плодовъ земныхъ; она приходитъ „съ радостью, съ великой милостью: со льномъ высокіимъ, съ корнемъ глубокіимъ, съ хлѣбами обильными и приноситъ людямъ яица и колбаски, на дѣвоньки краски, на дѣвки вѣнки“ **).

Ладъ и Лада, Лель и Ляля также тождественны съ Ярилой.

Ладъ = Ладо. Кроаты (славянское племя) Лада считаютъ богомъ весны, цвѣтовъ и земледѣльческихъ работъ ***). Литовцы видятъ въ Ладѣ бога, оберегающаго стада овецъ отъ нападенія волковъ. По древне-русскому преданію, Ладъ или Диди-Ладъ былъ богомъ-устроителемъ бортеваго пчеловодства и покровителемъ посѣвовъ проса. По современнымъ же народнымъ пѣснямъ, Ладо покровительствуетъ варкѣ пива, посѣву льна и вообще всякому земледѣльческому занятію. „Ай на горѣ мы пиво варили, Ладо мое Ладо! пиво варили“. „Ой Дидъ-Ладо, ой Ладо! Засѣвали дѣвки бѣлъ ленъ... съ травою небылою съ повилою“ ****).

Покровительствовалъ Ладо и любви, ведущей къ браку. Въ святочныхъ пѣсняхъ дѣвицы, гадая о суженыхъ — ряженыхъ поютъ: „Сиди, сиди ящеръ Ладу, Ладу! Въ орѣховомъ кустѣ Ладу, Ла-

*) Солнечные боги, Соколова, стр. 112.
**) Тамъ-же, стр. 116.
***) Тамъ-же, стр. 151.
****) Изъ пѣсенъ, собранныхъ мною въ Томской губ.

ду! Въ бѣлой капустѣ Ладу, Ладу! Въ бѣлой капустѣ чего досидѣти? Ладу, Ладу! Выбирай, Ящеръ, панью, Ладу, Ладу! Кая тебѣ люба, Ладу, Ладу!“ *) и т. д.

Лада. Лада была женской половиной бога Лады, богиня—нѣчто въ родѣ греческой Венеры. По объясненію Аѳанасьева, Ладо и Лада происходятъ отъ слова: „ладить“, ладный и указываютъ на любовно-мирный характеръ Лады. „Въ народныхъ пѣсняхъ, говоритъ онъ, Ладо до сихъ поръ означаетъ нѣжно любимаго друга, любовника, жениха, мужа, а въ женской формѣ (Лада)—любовнину, невѣсту и жену“. Лада—богиня весны приходитъ въ обновленный послѣ зимы міръ въ образѣ красивой женщины, украшенной ослѣпительными лучами солнца; утренняя заря считалась слезами этой богини.

Около Петрова дня Лада какъ и Ладо умирали и погребались **).

Лель (Лило-Леліо, Ліоли)—богъ весенняго всеоживляющаго солнца. По старобытному русскому преданію, Лель, какъ и Ладо, былъ богомъ устроителемъ и покровителемъ бортеваго пчеловодства, вліялъ на ростъ хлѣбовъ и покровительствомъ браку—выбиралъ женихамъ невѣстъ. „Ѣхалъ я, батюшка, улицею, Лило, Лило! Видѣлъ я, батюшка, дѣвицъ кароводъ, Лило, Лило! Выбиралъ я, батюшка, невѣсту себѣ, Лило, Лило! Тонку, долгу, бѣлу, румяну, Лило, Лило“! Бѣлоруссы приписываютъ Лелю любовь убаюкивать дѣтей и наводить на нихъ сладкій сонъ ***).

Леля (Ляля) женская половина Лели, богиня весны. Аѳанасьевъ отождествляетъ Лелю съ Ладой, богиней весенняго плодородія и любви. Ляля, какъ и Лада, является въ міръ въ самомъ началѣ весны. „Зимой она сидитъ въ заперти, на высокой горѣ, сидитъ на золотомъ тронѣ вся въ бѣломъ. Кругомъ блестятъ груды золота, брилліантовъ“... Явившись на свѣтъ 25-го марта въ образѣ молоденькой, красивой, стройной, высокой дѣвушки, она быстро оживляетъ пробуждающуюся отъ зимняго сна

*) То-же.

**) Солнечные боги, Соколова, стр. 154.

***) Тамъ-же, стр. 158.

природу. 22-го апрѣля, въ честь Ляли, совершается уже Ляльникъ—празднество, но объ этомъ послѣ *).

Такимъ образомъ, одно только прекрасное солнце породило въ воображеніи славянъ цѣлый сонмъ особыхъ достопокланяемыхъ существъ, покровительствовавшихъ человѣку въ жизни съ той или другой стороны.

Не остались безъ олицетворенія и поклоненія и небесныя стихіи, каковы громъ, молнія, облака и вѣтеръ.

Перунъ Молнія съ громомъ олицетворялись въ Перунѣ-Громовикѣ, которому Владиміръ поставилъ въ Кіевѣ кумиръ, украшенный серебромъ и золотомъ.

Перунъ считается послѣ Дажьбога вторымъ сыномъ и наслѣдникомъ неба—„сварожичемъ“.

Перунъ относится къ сонму боговъ грозныхъ и злыхъ; но больше по отношенію къ демонамъ, чѣмъ къ людямъ.

По народному представленію, въ рукахъ Перуна всегда или каменный молотъ, которымъ онъ разбиваетъ облачныя скалы и высѣкаетъ изъ нихъ небесное пламя молній, или огненный лукъ съ громовыми стрѣлами, а за пазухой камни и кремницы, которыми онъ во время грозы, разъѣзжая по небу въ колесницѣ или на огромномъ жерновѣ, преслѣдуетъ и поражаетъ демоновъ мрака. Демоны во время грозы спѣшатъ укрыться въ горы и лѣса, прячутся подъ деревьями, въ пустое дупло; иногда скрываются въ жилищахъ, въ косматыхъ животныхъ, преимущественно въ черныхъ собакахъ и кошкахъ, или въ пустой яичной скорлупѣ.

Людей Перунъ безъ особой прихоти не обижалъ, напротивъ, не мало благодѣтельствовалъ имъ, ниспосылая на землю дождь и такимъ образомъ благотворно вліяя на плодородіе. Тѣмъ не менѣе славяне больше боялись, чѣмъ любили Перуна. Не изъ любви, а изъ страха, съ цѣлью задобрить Перуна воздавались ему большія почести, ставился лучшій кумиръ, приносились болѣе дорогія, иногда человѣческія, жертвы.

Какъ несимпатичный богъ, Перунъ, не смотря на свое ве-

*) Тамъ-же, стр. 159.

личіе и славу при Владимирѣ, скоро забылся въ народѣ, превратившись въ пророка Илью *).

Впослѣдствіи молнія выдѣлилась въ особое божество, олицетворенное въ огненномъ змѣѣ.

Этотъ *миѳическій змѣй*, по народному представленію, весь горитъ синимъ огнемъ, который вмѣстѣ съ дымомъ и искрами валитъ изо рта, ушей и глазъ змѣя, какъ изъ горнила; когда змій испускаетъ зычный голосъ (громъ), то сильные могучіе богатыри (тучи) окарачь ползутъ прочь; въ пасти у змія и на хвостѣ торчатъ стрѣлы.

Огненный змѣй является символомъ жизни, здоровья и плодородія. Надъ чьимъ домомъ змѣй разсыплется (въ видѣ метеора), тому приноситъ богатство и счастье.

Съ особенною любовью покровительствуя чадородію, огненный змѣй самъ не рѣдко увлекается женской красотой. По народному повѣрью, огненный змѣй иногда по ночамъ прилетаетъ къ своимъ избранницамъ, особенно вдовамъ, тоскующимъ по своимъ мужьямъ, принимаетъ образъ умершихъ мужей и остается на всю ночь. Падающія звѣзды, по повѣрью вятчанъ, ничто иное какъ змѣй, спускающійся на ночъ къ своимъ избранницамъ. „Если змѣй очаруетъ дѣвушку любовнымъ обаяніемъ, зазноба ея неизлѣчима во вѣкъ. Зазнобу эту ни заговорить, ни отпоить нельзя... Не любя полюбишь, не хваля похвалишь молодца (огненнаго змѣя); умѣетъ обморочить онъ, злодѣй, душу красной дѣвицы привѣтами, усладитъ онъ, губитель, рѣчью лебединою молодую молодицу; заиграетъ онъ, безжалостный, ретивымъ сердцемъ дѣвичьимъ; затомитъ онъ, ненасытный, ненагляднную въ горючихъ объятьяхъ; растопитъ онъ, варваръ, уста алыя; отъ его поцѣлуевъ горитъ красна дѣвица румяной зарей; отъ его привѣтовъ цвѣтетъ она краснымъ солнышкомъ; безъ змѣя красна дѣвица сидитъ въ тоскѣ—кручинѣ; безъ него она не глядитъ на Божій свѣтъ, безъ него она сушитъ, изсушаетъ себя **)

*) Солнечные боги, стр. 4. Странникъ 1885 г. ст. „Русское язычество“.

**) Сказанія русск. народа, Сахарова, II, 6.

Совмѣстное появленіе на небѣ молніи съ громовыми облаками, послужило поводомъ придать огненному змѣю другой обликъ и другой характеръ дѣятельности, какъ божеству громовыхъ тучъ. Въ этомъ случаѣ онъ представляется богатыремъ въ исполинскихъ формахъ съ хищническими замашками и извѣстенъ въ преданіи подъ именемъ *змья—Горынича*. Въ этой роли онъ ведетъ постоянно борьбу съ добрымъ богомъ (Дажь-богомъ): скрадываетъ небесныя свѣтила, скрываетъ у себя золото (свѣтъ) и живую воду (дождь), пожираетъ небесныхъ коровъ (облака), прекрасныхъ царевенъ (солнце, луну и звѣзды) и вообще—дѣвъ (облачныя дѣвы, нимфы—облака) и богатырей (молніи). Словомъ, съ этой стороны Горынычъ является уже не „сварожичемъ“, не свѣтлымъ божествомъ, а злымъ демономъ.

Стрибогъ. Послѣ грома и молніи не могъ не обратить на себя вниманіе человѣка и вѣтеръ, особенно выражающійся въ вихряхъ и буряхъ. Первобытный славянинъ съ младенческимъ умственнымъ кругозоромъ, постоянно находясь подъ вліяніемъ этихъ небесныхъ стихій, подумалъ, что ими управляетъ какое-либо особое божественное существо. И вотъ явился новый богъ съ именемъ Стрибога—богъ вѣтровъ.

Владимиръ ставитъ Стрибогу въ Кіевѣ особый кумиръ; слѣдовательно, онъ былъ въ это время еще въ почтеніи у славянъ.

Назначеніе Стрибога состояло въ томъ, что онъ по своему произволу возбуждалъ и направлялъ вѣтры. Такъ какъ большіе вѣтры, вихри, бури, штормы вообще губительны, то Стрибогъ долженъ бы быть поставленъ въ ряды злыхъ боговъ; но въ народѣ онъ не считался злымъ, а только иногда капризнымъ.

Стрибогъ представлялся нашимъ предкамъ въ образѣ миѳическихъ птицъ орла и Стратимъ птицы (страуса). Въ видѣ орла со стрѣлами на когтяхъ онъ постоянно леталъ по поднебесью, поднималъ мятели, вихри и бури, приносилъ грозныя тучи съ дождемъ съ окіана моря, разсыпалъ снѣгъ по землѣ, разносилъ и металъ кремни и кремницы (орудіе бога громовника), поднималъ волны на рѣкахъ и моряхъ на погибель кораблей.

„Стратимъ птица“ говорится въ стихѣ о Голубиной книгѣ,

Научная библиотека Костромского музея

„всѣмъ птицамъ мати; живетъ Стратимъ птица на окіанѣ морѣ (въ небесномъ пространствѣ) и дѣтей производитъ на окіанѣ морѣ, по Божьему все повелѣнію. Стратимъ птица встрепенется—все море всколыхнется; топитъ она корабли гостиныя съ товарами драгоцѣнными".

Въ „Словѣ о полку Игоревѣ" Стрибогъ уже олицетворяется въ образѣ крылатаго мальчика. Въ одномъ народномъ сказаніи вѣтеръ представляется въ образѣ мужика. Въ сказкахъ говорится о трехъ, четырехъ и семи братьяхъ буйныхъ вѣтрахъ.

Волосъ или Велесъ. Не остались безъ особаго вниманія и безъ особаго божества и посящіеся по временамъ по своду небесному облака, которыя первобытный славянинъ уподоблялъ пасущимся по полямъ стадамъ и называлъ небесными коровами. Какъ для обыкновеннаго скота требуется пастухъ, такъ и для небесныхъ коровъ, по представленію славянъ, требовался особый надежный хранитель. И вотъ явился таковой подъ именемъ Волоса или Велеса.

Владиміръ не почтилъ Волоса особымъ кумиромъ, можетъ быть, потому, что онъ въ это время уже утратилъ свое выдающееся значеніе. Но при Олегѣ русскіе славяне еще клялись Волосомъ наравнѣ съ Перуномъ. Въ народѣ Волосъ и по сіе время не утратилъ еще къ себѣ нѣкотораго почтенія.

Впрочемъ, Волосъ, повидимому, не долго царствовалъ на небѣ: славянинъ разсчелъ выгоднѣе для себя низвести его на землю и поручить ему охраненіе своихъ стадъ и назвалъ „скотьимъ богомъ". Въ этой послѣдней роли онъ упоминается въ лѣтописяхъ, въ житіи св. Владиміра, въ „Словѣ о полку Игоревѣ", въ „Хожденіи по мукамъ пресвятыя Богородицы" и другихъ памятникахъ.

Въ періодъ христіанскій Волосъ слился со святымъ Власіемъ (11 февр.). Во время скотскихъ падежей и въ нынѣшнее время нерѣдко простой народъ, съ образомъ св. Власія, ночью опахиваетъ сохой селенія, какъ это дѣлалось, вѣроятно, во времена язычества.

Волосъ отчасти считался покровителемъ и земледѣльческаго труда. Въ народѣ до сихъ поръ сохранился обычай при окончаніи жатвы оставлять горсть не сжатаго жита, завязаннаго

узломъ, въ жертву Волосу или „Володку на бородку", какъ говорятъ вятчане.

Намъ остается сказать еще о двухъ богахъ, Симарглѣ и Мокошь, которые во времена Владиміра были, повидимому, еще въ большомъ уваженіи, потому что отъ Владиміра почтены особыми кумирами, наравнѣ съ прочими богами. Но эти боги послѣ крещенія Руси такъ скоро сошли со сцены и исчезли, что не оставили по себѣ въ народныхъ воспоминаніяхъ почти никакихъ слѣдовъ. Поэтому наука весьма затрудняется относительно опредѣленія ихъ характера и значенія. Въ послѣднее время г. Соколовъ, старясь дать какой нибудь обликъ Симарглѣ, остановился на предположеніи, что это былъ никто другой, какъ Ярило—богъ весенняго солнца. Такое предположеніе онъ выводитъ изъ того, что Ярило, будто бы, когда-то изображался съ семью главами и назывался Симаргла—Семаргла—Семи-ярило—Семиглавый Ярило. Первая половина сложнаго имени послѣ, должно быть, отпала... На сколько правдоподобно это объясненіе мы не беремся судить.—Мокошь г. Квашнинъ-Самаринъ называетъ богиней воды: „24-го іюня," говоритъ онъ, „празднуютъ двумъ богамъ Яну—Ивану—богу свѣта и Купалу—купальницѣ—богинѣ воды—Мокошь.

Но не одно небесное пространство нарождало и было жилищемъ боговъ,—земля для славянъ была не менѣе плодовитою матерью и жилищемъ особыхъ земныхъ духовныхъ существъ, пользовавшихся божескимъ почтеніемъ.

Сонмъ боговъ—(духовъ) нечистыхъ и земныхъ.

Въ природѣ и окружающей насъ жизни на каждомъ шагу замѣчаются противоположныя явленія и силы, постоянно борющіяся между собою: свѣтъ и тьма, тепло и холодъ, добро и зло, жизнь и смерть и т. д. Вслѣдствіе этого у всѣхъ языческихъ народовъ, положившихъ въ основу своей религіи явленія природы и жизни, является неизбѣжнымъ *дуализмъ*. Во всѣхъ языческихъ религіяхъ древнихъ и новыхъ боги дѣлятся на боговъ и геніевъ добрыхъ и злыхъ. Къ тому же, повидимому, склонялись

и наши предки язычники. И у славянъ, какъ мы выше замѣтили, стали появляться рядомъ съ свѣтлыми и добрыми богами и духами божества и духи темные и злые, вступавшіе въ борьбу съ первыми.

Злое начало у славянъ вообще и у русскихъ въ частности мыслилось подъ общимъ именемъ нечистой силы, или же дробилось въ различныхъ образахъ нечистыхъ духовъ, витающихъ исключительно на землѣ.

Нечистая сила вообще извѣстна была подъ именами *Чернобога, Морены и Нежити*. Въ одной старинной рукописи сохранился слѣдующій заговоръ противъ Нежита или Нежитя: „Сходящу Нежиту отъ сухаго мора (я) и сходящу Іисусу съ небесе, и рече ему Іисусъ: „камо идеши Нежите"? Рече ему Нежитъ: „Сѣмо иду, Господине, къ человѣку главу мозга срвчати, челюсти проломати, зубы ихъ ропити, шіе ихъ кривити и уши ихъ углушити, очи ихъ ослѣпити, носа гугьнати, кровь ихъ проліяти, вѣка ихъ иссушити, устнѣ ихъ кривити и удове ихъ разслабити, члены ихъ умертвити, тѣла измъждати, лѣноту ихъ измѣнити, бѣсомъ мучити е". И рече ему Іисусъ: „обратися Нежите, иди въ пустую гору и въ пустыню" *).

Изъ этихъ словъ видно, что Нежить олицетворялъ все зло, какое человѣку приходится испытывать въ жизни отъ различныхъ болѣзней и самую смерть. Какъ смерть, Нежить представлялась славянину въ образѣ старухи женщины, или просто скелета съ факеломъ въ лѣвой рукѣ и съ косой въ правой.

Но Нежить служила въ то же время олицетвореніемъ ночного мрака и зимняго холода, когда жизнь также какъ бы умираетъ. Въ этомъ случаѣ народная фантазія представляетъ ее дѣйствующею только въ потемкахъ и преимущественно зимой. Она связывается въ это время съ вѣдьмами, бѣгаетъ по полямъ и дуетъ въ кулакъ,—отъ этого и бываетъ морозный трескъ и холодный вѣтеръ.

Живетъ Нежить, по повѣрью, на дальнемъ западѣ подъ

*) Поэтич. воззрѣнія славянъ, Аѳан. III, 96 и 98.

землею. Тамъ среди желѣзныхъ, безплодныхъ горъ царствуетъ вѣчная зима, вѣчный мракъ и бѣды всякаго рода. „Тишь да гладь—Божья благодать, а горы да овраги—чертово житье", говоритъ пословица.

По временамъ Нежить развлекается съ облачными дѣвами и нечистыми духами въ бѣшеной воздушной плескѣ и въ дикихъ пѣсняхъ завывающихъ бурь.

Въ Малороссіи и у западныхъ славянъ Нежить—Морену, какъ представительницу зимы и смерти, съ наступленіемъ весны, обыкновенно въ видѣ соломеннаго чучела сожигаютъ на красной горкѣ, во время хороводныхъ гуляній.

Въ частности злое начало, какъ мы замѣтили, дѣлится на множество нечистыхъ силъ, каковы: черти (водяные духи), лѣшіе, домовые, русалки и т. п. Впрочемъ нѣкоторые изъ этихъ духовъ, напр., домовые, въ былое время, вѣроятно, были добрыми геніями и отнесены въ разрядъ нечистыхъ уже во дни христіанства.

а) *Дѣдушка домовой*. Домовой (Пенатъ) образовался изъ поклоненія домашнему очагу, около котораго собиралась вся семья, весь родъ и у котораго приносились домашнія жертвы. Въ лицѣ Домового славянинъ чтилъ душу, или тѣнь своего родоначальника дѣда, прадѣда или прапрадѣда.

Домовой представляется народному воображенію въ видѣ маленькаго, мохнатаго, шустраго старичка, который живетъ въ подпольѣ, подъ печкой и выходитъ изъ своего гнѣзда только по ночамъ.

Это—добрѣйшій до своей семьи духъ, покровитель рода, надежный оберегатель домашняго скота, особенно лошадей. Впрочемъ, въ лошадяхъ онъ очень разборчивъ, любитъ только извѣстныя масти. Любимую лошадь онъ старательно холитъ: гладитъ, чиститъ, заплетаетъ ей гриву и хвостъ, подсыпаетъ овса и т. п.; нелюбимую же—мучитъ: лишаетъ корма, сваливаетъ въ уголъ, словомъ доводитъ до истощенія. Про тѣхъ лошадей, которыя не отъѣдаются, въ народѣ обыкновенно говорятъ: „не по двору", т. е. не любитъ домовой, и спѣшатъ продать.

По ночамъ домовой вѣчно хлопочетъ по хозяйству, обходя хлѣвы съ огонькомъ и поддавая корму любимымъ животнымъ. Заботливость о своихъ животныхъ у него доходитъ до того, что онъ иногда не прочь стащить кормъ у животныхъ въ сосѣднихъ хлѣвахъ, гдѣ строго сторожитъ свой домовой. Въ этомъ случаѣ домовые иногда пускаются въ драку.

По временамъ домовой любитъ прогуляться на козлѣ; поэтому нѣкоторые хозяева всегда при конюшнѣ держатъ козла.

Не рѣдко домовой превращается въ собаку, кошку и другихъ косматыхъ животныхъ.

Въ Великій четвертокъ и въ день Пасхи, конечно, почью домового видаютъ въ хлѣвахъ притаившимся въ углу.

До сихъ поръ русскіе люди живутъ съ домовымъ такъ дружно, что всячески угождаютъ ему; при переходѣ въ новый домъ приглашаютъ его съ собой и считаютъ за несчастье, если онъ не перейдетъ. Какъ скоро замѣтятъ его неблаговоленіе къ скоту, приносятъ ему въ жертву пѣтуха, вѣшаютъ въ конюшнѣ медвѣжью голову, убитаго ястреба или сороку, зарываютъ предъ жильемъ черепъ козла, окуриваютъ домъ и хлѣва медвѣжьей или козьей шерстью, просятъ медвѣжьяго вожака обойти съ медвѣдемъ вокругъ двора, затыкаютъ въ щели заборовъ и стѣнъ шерсть или траву чертополохъ.

Приглашеніе домового въ новый домъ совершается такъ: старшая въ семьѣ женщина, преимущественно бабушка, въ назначенный день топитъ въ старомъ домѣ печь особенно жарко, выгребаетъ жаръ (загнѣтъ) въ печурку и ждетъ полудня. Въ полдень складываетъ не погасшіе еще угли въ горшекъ, накрываетъ скатерью, растворяетъ дверь и обратившись *въ кутъ* къ печкѣ говоритъ: „милости просимъ, дѣдушка, къ намъ на новое житье“! Послѣ этого немедленно отправляется съ накрытымъ горшкомъ съ угольями въ новый домъ. Въ новомъ домѣ у дверей, гдѣ хозяинъ съ хозяйкой уже ждутъ бабушку и домового съ хлѣбомъ-солью, старушка стучитъ и спрашиваетъ: „рады ль гостямъ“? На это хозяинъ съ низкимъ поклономъ отвѣчаетъ: „милости просимъ, дѣдушка, на новое мѣсто“! Затѣмъ всѣ благоговѣйно идутъ

въ новый домъ, молятся Богу; старушка вскрываетъ горшокъ, какъ бы выпуская домового, высыпаетъ угли въ новую печку и скатерью трясетъ по всѣмъ угламъ избы; горшокъ же разбивается и почью зарывается подъ передній уголъ избы.

Нѣкоторыя вѣрятъ, что домовой живетъ своей семьей: имѣетъ жену и дѣтей.

б) *Водяной.* Первобытное непосредственное обожаніе морей, большихъ рѣкъ и источниковъ, подчиняясь закону развитія миѳологіи, не могло не породить со временемъ особыхъ водяныхъ духовъ. И дѣйствительно, славяне успѣли населить рѣки и озера таковыми духами, извѣстными и теперь подъ именемъ „чертей“, „чертовокъ“ и „чертенятъ“.

Первоначально, впрочемъ, былъ только одинъ Водяникъ—владыка небесныхъ, т. е. облачныхъ водъ, особенно грозовыхъ тучъ и ливней. Лишь спустя нѣсколько времени, явились дочери его—лебединыя дѣвы (весеннія облака) и другія водяныя существа.

Водяной представляется народному воображенію въ образѣ старика голаго, съ большимъ одутловатымъ брюхомъ и опухшимъ лицомъ.

Живетъ водяной въ большихъ омутахъ, котловинахъ и водоворотахъ рѣкъ, прудовъ и озеръ, имѣя каменныя палаты, большое хозяйство и семью. Но по временамъ любитъ обитать подъ водяной мельницей, около мельничнаго колеса, а иногда и на самомъ колесѣ.

Водяной покровительствуетъ рыболовамъ, судохозяевамъ и особенно мельникамъ, какъ скоро они живутъ съ нимъ въ ладахъ, приносятъ ничтожныя жертвы, въ видѣ куска лошадинаго мяса, или хлѣба. Нѣтъ, по повѣрью вятчанъ, ни одного мельника, который бы не былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ водянымъ, если у него по мельницѣ дѣло идетъ хорошо. Всѣ неудачи мельника по мельницѣ приписываются неблаговоленію водянаго, чѣмъ нибудь разгнѣваннаго.

Водяной, какъ мы замѣтили, живетъ въ глубинѣ водъ семьей и хозяйствомъ. Онъ выбираетъ себѣ подругу жизни обыкновенно

или изъ водяныхъ дѣвъ, или изъ утопленицъ, или же изъ русалокъ. Хозяйство его заключается въ большихъ стадахъ лошадей, коровъ, овецъ и свиней, которыя по ночамъ выгоняются на луга и пасутся.

Прекрасный полъ водяныхъ, т. е. *чертовки*, любитъ по ночамъ выходить изъ воды и сидѣть на крутомъ берегу, или на переходахъ, качая дѣтей, или расчесывая свои длинные волосы. Мой дядюшка—рыбакъ не разъ видалъ ихъ въ этомъ положеніи и серіозно разсказывалъ мнѣ: какъ, напр., чертовка при приближеніи его нырнула прямо къ нему подъ лодку.

Впрочемъ, водяной и его семья почти ничѣмъ не вредили людямъ. Въ былое время, вѣроятно, и они были добрыми геніями.

По зимамъ водяной спитъ безъ просыпу. Проспувшись весной, бываетъ очень сердитъ. Въ это-то время и требуется умилостивлять его жертвами.

в) *Лѣшій*. Непроходимыя дебри, покрывающія до сихъ поръ большую часть сѣверной Россіи и въ отдаленныя отъ насъ времена, особенно поражавшія первобытныхъ поселенцевъ своею таинственностью, много способствовали развитію у древнихъ славянъ лѣсныхъ духовъ. Кто не знаетъ и въ наше время о проказахъ лѣшаго? Въ сѣверныхъ губерніяхъ народъ простодушно вѣритъ въ присутствіе въ большихъ и малыхъ лѣсахъ лѣшаго, и разсказамъ о его похожденіяхъ нѣтъ конца.

По народному вѣрованію и разсказамъ, лѣшихъ не одинъ, а безчисленное множество,—столько, сколько отдѣльныхъ, болѣе или менѣе значительныхъ лѣсовъ. Впрочемъ, въ древнее время былъ, кажется, одинъ, носившій названіе Мусаилъ (Маѳусаилъ), олицетворявшій вообще лѣсъ. Впослѣдствіи русско-славянская фантазія низвела его на степень царя лѣшихъ и наконецъ совсѣмъ забыла о немъ.

Лѣшіе живутъ въ глубинѣ большихъ лѣсовъ, имѣютъ домообзаведеніе, женъ и дѣтей.

Въ былое время лѣшіе были въ роли покровителей лѣсовъ, лѣсными богами. Но въ настоящее время остаются, такъ сказать, безъ опредѣленнаго назначенія. Отъ нечего, можетъ быть, дѣлать они постоянно бродятъ между людьми, пугаютъ глупыхъ, иногда таскаютъ съ собой тѣхъ, кого родители отдадутъ въ ихъ власть неосторожнымъ произнесеніемъ браннаго словъ: „лѣшій бы тебя унесъ“.

Къ такимъ несчастнымъ лѣшій подкрадывается въ видѣ вихря. По вѣрованію вятчанъ, стоитъ только на приближающійся вихрь взглянуть промежъ ноги, чтобы удостовѣриться, что это не простой вихрь, а лѣшій. Но не всякій рѣшается на это: любопытнаго лѣшій подпинываетъ такъ, что онъ летитъ чуть не до облаковъ. Подкравшись въ видѣ вихря къ человѣку, лѣшій схватываетъ его, вертитъ и несетъ въ неизвѣстныя мѣста съ быстротою вихря. Когда гдѣ-нибудь лѣшій останавливается, чтобы зайдти въ чей нибудь домъ, или даже въ церковь, онъ своего спутника оставляетъ на сараѣ, или гдѣ нибудь въ укромномъ мѣстѣ. Несчастный сидитъ иногда долго, мерзнетъ, видитъ всѣхъ, мимо проходящихъ; но его никто не видитъ. Лѣшій приноситъ ему изъ гостей кусокъ хлѣба и опять отправляются. Мимоходомъ иногда онъ заноситъ спутника въ свое лѣсное жилище, гдѣ лѣшачиха предлагаетъ гостю посильное угощеніе.

Путешествуютъ такимъ образомъ лѣшій съ человѣкомъ недѣли, мѣсяцы; но въ концѣ концовъ лѣшій большею частью возвращаетъ схваченнаго къ роднымъ, оставляетъ гдѣ нибудь на задворкахъ, измученнаго и невредимаго.

Въ дѣтствѣ на родинѣ мнѣ указывали на одного мужика и на одну дѣвицу, которыхъ носилъ лѣшій по нѣсколько недѣль. Я всегда встрѣчался съ ними съ большимъ страхомъ и замѣчалъ въ нихъ какую-то дикость, напоминающую о близкомъ знакомствѣ ихъ съ лѣшимъ.

Лѣшій любитъ сбивать пьяныхъ мужиковъ съ дороги. Ѣдетъ мужикъ изъ города или изъ села; дорога отличная; до дома—верста или двѣ, но доѣхать никакъ не можетъ; проходитъ нѣсколько часовъ, иногда цѣлая ночь; мужикъ начинаетъ задумываться, вспоминаетъ о Богѣ, крестится. Лишь только произнесъ имя Божіе или перекрестился, картина мгновенно мѣняется: до-

роги никакой, стоитъ въ чащѣ лѣса, иногда надъ пропастью, за десятки верстъ въ сторонѣ отъ дороги и отъ дома.

Опытные люди распознаютъ лѣшаго, когда онъ бываетъ между людьми на базарѣ, въ церкви: онъ не имѣетъ бровей и свой армякъ закидываетъ лѣвой полой наверхъ.

По лѣсу бродитъ лѣшій по ночамъ съ большимъ шумомъ: то лѣсъ ломаетъ, то въ ладоши хлопаетъ, то хохочетъ страшно.

Дядя мой—солдатъ, рыбакъ однажды встрѣтилъ лѣшаго на рѣкѣ стоявшимъ одной ногой на томъ берегу, другой на другомъ. Приходилось проѣзжать на лодкѣ между его ногъ. Дядя не струсилъ, приподнялъ весло и крикнулъ: „иди прочь, а то зашибу“! Лѣшій расхохотался и съ шумомъ унесся въ ближайшій лѣсъ.

Лѣшій помогаетъ въ охотѣ за звѣрями: самъ гонитъ подъ ружье волковъ, лисицъ, куницъ, зайцевъ,—впрочемъ только тѣмъ, къ кому благоволитъ, отъ кого задобренъ. Въ видахъ задабриванія его охотники приносятъ ему въ жертву хлѣбъ, который кладутъ на пень, а въ Пермской губерніи щепотку табаку, до котораго будто бы лѣшій большой охотникъ.

г) *Трясавицы.* Въ заключеніе приведу слышанный мною въ Вятской губерніи разсказъ о трясавицахъ, принадлежащихъ къ разряду низшихъ демоническихъ существъ.

Трясавицъ, по вѣрованію вятчанъ, двѣнадцать сестеръ. Всѣ онѣ называются иногда однимъ общимъ именемъ: „комуха“; о заболѣвшемъ лихорадкой обыкновенно говорятъ: „его комуха схватила“. Но въ отдѣльности каждая изъ 12 сестеръ носитъ свое имя, указывающее на ея спеціальность: трясавица, огневица, Черная плясуница (олицетвор. падучей болѣзни), каркуша (ликуша) и т. п., какъ въ приведенной выше молитвѣ св. великомученика Кипріана. Всѣ двѣнадцать сестеръ служатъ олицетвореніемъ различныхъ болѣзней, по преимуществу простудныхъ.

Трясавицы вѣчно бродятъ по міру, отыскивая себѣ жертвъ; иногда сходятся вмѣстѣ, чтобы посовѣтоваться. На общей сходкѣ разсказываютъ другъ другу о своихъ похожденіяхъ, удачахъ и

неудачахъ, указываютъ другъ другу на подходящія жертвы и предостерегаютъ отъ опасностей.

Намѣтивъ себѣ жертву, трясавица превращается въ порошинку, падаетъ на ложку съ кушаніемъ, когда избранный ею человѣкъ, не перекрестившись, поднесетъ ложку ко рту, и такимъ образомъ съ кушаніемъ она поглощается. Вслѣдъ за этимъ начинается болѣзнь: ознобъ съ сильнымъ содроганіемъ всего тѣла, или невыносимый жаръ. На первыхъ порахъ трясавица мучитъ чрезъ день, затѣмъ каждодневно и нерѣдко доводитъ до смерти. Больной часто видитъ свою мучительницу лицомъ къ лицу: то въ образѣ безобразной старухи, то въ видѣ вѣдьмы съ торчащимъ назади хвостомъ. Одна женщина говорила мнѣ, что она видѣла комуху во время своей болѣзни въ образѣ страшной старухи, которая пришла въ домъ изъ сѣней, напилась изъ стоявшаго на столѣ жбана (сосудъ деревянный съ ручкой), взглянула на нее (больную) улыбнувшись и моментально исчезла, послѣ чего тотчасъ же начался страшный ознобъ и трясеніе. Одинъ мужикъ во время болѣзни, завидѣвъ свою мучительницу, бросился на нее съ топоромъ и едва не зарубилъ свою жену, близко подвернувшуюся.

Вятчане изгоняютъ трясавицъ обыкновенно наговорами на соль и воду съ углемъ, иногда—окуриваньемъ больного ладаномъ, иногда же—опахиваніемъ медвѣжьей лапой, каковой будто бы трясавицы очень боятся. Но иногда избѣгаютъ мученій отъ нихъ и хитростью. Одинъ вятскій мужикъ, по разсказамъ, ухитрился поймать комуху и подвергнуть такимъ пыткамъ, что послѣ ни одна изъ трясавицъ не смѣла показаться къ нему въ домъ. Дѣло было такъ: мужичекъ этотъ разъ кушалъ кашу. Вдругъ видитъ: на ложку съ кашей упала сверху сажинка. Онъ смекнулъ, что это не спроста: спустилась комуха, желая пробраться въ его желудокъ. Не долго думая, мужикъ кашу съ ложки свалилъ въ табачный кисетъ и завязалъ послѣдній крѣпко-на-крѣпко. Трясавица такимъ образомъ угодила не въ желудокъ, а въ своеобразную темницу. Кисетъ затѣмъ былъ привѣшенъ къ потолку черной дымной избы надъ самымъ печнымъ челомъ. Валившій

изъ печки дымъ сталъ каждодневно коптить и чадить неосторожную трясавицу. Спустя недѣли двѣ она, наконецъ, не вытерпѣла, взмолилась мужику, чтобы отпустилъ душу на покаяніе, давъ клятву никогда больше не являться въ его домъ и другимъ сказать, чтобы не смѣли являться. Мужикъ смиловался и отпустилъ комуху на всѣ четыре стороны.

О прочихъ демоническихъ существахъ въ родѣ русалокъ, вѣдьмъ, оборотней и т. п., каковымъ, по народному вѣрованію, нѣтъ числа, считаю говорить излишнимъ.

КОСТРОМСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО ПО ИЗУЧЕНІЮ МѢСТНАГО КРАЯ. 1912 Г.